

Методология экономических исследований

И.А. Болдырев

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва

Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений¹

В этой обзорной статье рассматривается состояние современной экономической методологии. Кратко описана структура этой области знания, ее институциональное устройство. Проведена содержательная классификация основных проблем и тем исследований. Автор выделяет два ключевых перспективных направления в философии и методологии экономической науки – логико-когнитивистское и социально-конструктивистское – и показывает, почему второе представляется более интересным и многообещающим, чем первое. Подробно анализируются достоинства и недостатки нормативной методологии, задающей стандарты научного исследования в экономической теории.

Ключевые слова: **нормативная и позитивная экономическая методология, философия экономической науки, модели, рациональность, междисциплинарность.**

Классификация JEL: A11, A12, A14, B4.

1. Введение

В данной работе мы постараемся охарактеризовать основные тенденции в развитии современной экономической методологии (методологии экономической науки). Поскольку эта область знания постоянно и интенсивно развивается, такой обзор не может претендовать ни на полноту, ни на «верность времени». Тем не менее логику развития современной экономической методологии и ее основную проблематику проследить можно.

В разд. 2 дается определение экономической методологии и ее предметной области, прослеживаются ключевые темы, обсуждающиеся в экономико-методологической литературе, и выделяются значимые подходы к решению центральных проблем, возникающих в этой области сегодня (разд. 3). Далее в этом же разделе проводится попытка классификации методологических изысканий, упорядочивание их таким образом, чтобы стала понятна специфика дисциплины, ее место в корпусе экономического знания, а также тенденции и перспективы ее развития. В разд. 4 обсуждаются новейшие направления методологических дискуссий и вводится различие между логико-когнитивистским подходом, продолжающим традиции анализа экономической теории с позиций неопозитивистской философии науки и комплекса когнитивных дисциплин, и социально-конструктивистскими идеями, в соответствии с которыми экономическая наука понимается как социаль-

¹ Автор выражает глубокую признательность О.И. Ананьину, А.М. Либману и А.А. Александровой, а также рецензентам журнала за ценные замечания и содержательные комментарии к данной статье.

ный институт, во многом задающий рамки и критерии истинного знания изнутри. Будет показано, что второй подход интереснее и перспективнее, поскольку в нем учитываются такие феномены, как рефлексивность экономического знания, конструктивистский момент экономико-теоретических построений, связанный, например, с таким важным сегодня разделом науки, как целенаправленное институциональное проектирование, наконец, укорененность экономической теории в социокультурном контексте.

В разд. 5, принимая разделение позитивной (дескриптивной) и нормативной (прескриптивной) методологии, показано, почему, несмотря на характерную для современного положения вещей тенденцию к дескриптивности и несмотря на ситуацию, в которой методологии превращаются в историков современной экономической науки, нормативные предписания по-прежнему остаются важной задачей методолога. Именно эта проблема: как, интерпретируя достижения, результаты и трудности экономической науки способствовать более плодотворному ее развитию, – оказывается в центре методологических споров и задает систему координат и уровень ответственности методолога. Рассматривая экономическую методологию как особую дисциплину, мы выявляем ее слабые стороны и важные задачи, которые должны решаться самими методологами.

2. Что такое экономическая методология – в прошлом и настоящем

2.1. Экономическая методология: содержательные и институциональные характеристики

Экономическая методология – «отрасль знания, изучающая экономическую науку как вид человеческой деятельности» (Ана́нин, 2005, с. 17). Научная деятельность в методологии рассматривается сквозь призму соотношения научной истины и вненаучных элементов и отделения первой от вторых (*нормативная* методология) с привлечением социально-исторических и конкретно-научных факторов формирования экономических теорий (*позитивная*, или *дескриптивная*, методология). Если конкретизировать это определение, то методологией можно считать систематическое описание и исследование метода познания в науке, структуры и функций научного знания, а также структуры отношений между научной теорией и реальностью.

Предмет экономической методологии (как и история экономической мысли) – составляют различные экономические теории. Свои методы она заимствует из философии, истории и социологии науки. Методологи изучают структуру экономического знания и его связи с реальностью, оценивают объективность экономической науки, описывают сферы ее применения, обсуждают ее идеологические и этические предпосылки, основные категории, историко-культурные контек-

сты, анализируют междисциплинарные взаимодействия, а также их влияние на эволюцию экономической теории и т.д.

У методологов существует три основных *источника информации*: собственно научные результаты, т.е. состоявшиеся или становящиеся *теоретические концепции*, которые подвергаются анализу, оценке, сопоставляются с другими направлениями исследований, вписываются в контекст. Когда обсуждаются достижения последних лет, работа методологов во многом пересекается с работой экономистов, составляющих критические обзоры и обобщающих результаты тех или иных работ, стремящихся понять их смысл и значение за пределами узкого исследовательского контекста. Для методолога важна *идейная* оценка теоретических достижений, их влияние на экономическую науку в целом или на ее конкретные разделы. Для методологов важным источником новых идей является *методологическая рефлексия самих экономистов*, которые часто размышляют и спорят о состоянии и перспективах своей науки. Оценки профессионалов могут даже использоваться в качестве аргумента в том или ином методологическом рассуждении². Кроме того, методологи все чаще проводят *эмпирические исследования*. Таким исследованием может быть контент-анализ научных статей, опросы и интервью с экономистами, социологические изыскания, связанные, например, с социологией научных сообществ, и т.д.

2.2. Функции экономической методологии

В экономической теории часто возникают методологические дискуссии – споры, касающиеся фундаментальных основ науки, принципов построения знания, оценки его объективности³. Методологи пытаются сформировать понятийное пространство и найти язык для обсуждения этих проблем. Конечно, правомерность и необходимость такого обсуждения может вызывать сомнения, но те экономисты, кто отказывается принимать во внимание методологический смысл своих теорий, сами выносят определенное методологическое суждение, поэтому методологические принципы следует обсуждать в явном виде, чтобы избежать бессмысленных споров.

Методологи занимаются интеграцией и осмыслением готового знания, зачастую именно они транслируют его для более широкой аудитории. Кроме того, экономическая теория – весьма интересный объект для изучения, это – особый социальный институт, а экономисты – важная социальная группа (Mauger, 2001), участники которой во многом несут ответственность за эволюцию современного обще-

² О том, насколько внимательно методологи изучают методологические построения самих экономистов, свидетельствует, в частности, целый том, недавно вышедший в свет и посвященный известной методологической статье М. Фридмана 1953 г. (Mäki, 2009b). В нем подытожены не только давние дискуссии (был ли Фридман реалистом или инструменталистом, насколько его методологические принципы соответствовали его собственной научной практике), но и реконструирован интеллектуальный и общенаучный контекст этой работы. Например, как показано в (Hands, 2009), тезис, согласно которому фридменовское положение о том, что реалистичность предпосылки избыточна, вызвало к жизни «формалистическую революцию», связанную с тягой к абстрактному моделированию и с пониманием экономической теории как набора положений, выведенных из аксиом без связи с эмпирией (как в модели Эрроу–Дебре), – неправомерен.

³ Сравни, например, статью нобелевского лауреата Пола Кругмана в «*New York Times*» и последовавшую за ней полемику, показывающую, что экономистов действительно волнует состояние их науки в целом.

ства. Еще одна функция, на выполнение которой претендует методология, – служить *идеологией экономической науки*, – показывать, какого рода идейные (социально-философские) притязания имеет эта наука, способствовать контактам экономистов с представителями других дисциплин и вообще с публичной сферой интересующихся наукой людей (в том числе политиков, журналистов и т.д.).

Известный экономист Фрэнк Хан сказал, что методология не нужна, поскольку в ней обсуждаются основания науки, которые последняя может выбрать сама путем эволюционного развития и отбора, причем «выжить» должна теория с наиболее «удачным» фундаментом (Hahn, 1992). Однако эволюционный процесс подвержен искажениям, зависящим, в частности, от предшествующего развития и связанным, помимо прочего, с академическим статусом исследователей, модой на те или иные темы, ролью научных школ и т.п. Кроме того, методологическая дискуссия может сыграть в эволюционном процессе развития экономического знания роль «генной мутации», источника новых, неожиданных идей (Hargreaves Heap, 2000).

Методологи – если они не отстаивают какую-то партийную позицию, а стремятся изучать собственно экономическую науку, – неизбежно оказываются *между* разными направлениями, поскольку, осмысливая свой предмет «с высоты птичьего полета», признают, что существует *множество способов концептуализации экономической реальности*. Поэтому перед ними стоит сложнейшая задача – выработать язык, на котором можно вести *диалог* между школами и подходами. Пока такого общего языка не выработано, чаще всего методологические построения ведутся на языке одного из теоретических направлений или одной из философских школ.

2.3. Основные вехи развития современной экономической методологии по Дж. Дэвису

Дж. Дэвис предлагает периодизацию развития экономической методологии, которая нам представляется весьма удачной (Davis, 2007, р. 277–278). Он выделяет в этом развитии три революции. Первая произошла в 1930-е годы, ее характеризовало проникновение позитивизма как в умы методологов, так и в методологическую рефлексию экономистов (инструментализм М. Фридмана и операционализм П. Самуэльсона).

Вторая революция – проникновение в экономическую методологию идей К. Поппера и И. Лакатоша, а также Т. Куна, т.е. постпозитивистской философии науки. Стандарты научности либо стали более утонченными (как у Поппера), либо их начали подвергать сомнению с осознанием теоретической нагруженности фактов и проблемы несоизмеримости научных парадигм. С этих пор методологи стали говорить об экономической науке, используя внешние по отношению к ней теоретические ресурсы, стараясь переформулировать методоло-

гические проблемы на языке философии науки или каких-либо других гуманитарных дисциплин.

Третью революцию Дж. Дэвис связывает с окончательным преодолением нормативизма и с появлением новых направлений в методологии – риторических исследований, социологии и экономики экономического знания, конкретно-исторических исследований экономической науки. Эти направления мы и обсудим ниже.

2.4. Кто такие методологи

Многие выдающиеся теоретики неоднократно высказывались на методологические темы и участвовали в методологических дискуссиях. Когда профессиональной методологической рефлексии еще не существовало, ею занимались сами экономисты, затем эта тематика заинтересовала философов науки, теперь же к экономической методологии формально можно отнести практически любую (в том числе и междисциплинарную) работу, посвященную анализу экономической теории. Отметим, что выбор имен и работ, которые фигурируют в нашем обзоре, был продиктован прежде всего институциональным консенсусом, который сложился в 1980–1990-е годы, когда произошла профессионализация экономической методологии. Иными словами, мы называем методологами преимущественно тех авторов, которых принято так называть в международном научном сообществе. Мы не будем обсуждать достоинства и недостатки подобных конвенциональных определений, однако считаем нужным упомянуть об этом во избежание недоумений и вопросов, которые могут возникнуть в этой связи: почему, например, одних автором мы считаем методологами, а других – нет.

Нередко экономисты не разделяют идей методологов, а иногда и отвергают необходимость методологии как таковой (Автономов, 2004). Проблема имеет исторические корни. Когда методология только появилась, в ней преимущественно работали философы, находившиеся под большим впечатлением от современной им философии науки, в частности от работ Поппера и Лакатоша. После «второй революции» (по Дэвису) преобладало мнение, что методология должна быть нормативной и разрабатывать стандарты, которым должна подчиняться та или иная теория, чтобы быть «научной». Современная версия нормативной методологии – учебник М. Блауга (Блауг, 2004), отстаивающий попперовские идеи. Однако убедить экономистов принять внешние философские стандарты не удалось.

2.5. Идеи К. Поппера и И. Лакатоша в философии и методологии экономической науки

По-видимому, Поппер и теперь остается самым известным среди экономистов философом науки. Однако реальное прочтение его идей в экономическом сообществе, похоже, так и не состоялось.

Нередко попперовская методология трактуется просто как призыв выдвигать фальсифицируемые гипотезы, ориентировать экономическую науку на практику, на фальсифицируемые эмпирические исследования. Между тем очевидно, что критерии Поппера не только слишком жесткие, но и не способны дать ответы, которых от них больше всего ждут: о том, как именно теории должны быть связаны с данными, как могут быть структурированы такие взаимосвязи, а, следовательно, и о том, как это знание могло бы помочь нам переформулировать, исправить свою теорию⁴.

Шейла Доу (Dow, 2002, p. 86) приводит показательный пример: допустим, что согласно теории, снижение налога при прочих равных условиях повышает уровень трудовых усилий у работников. Что делать с теорией, если, снизив налоги, мы не получаем нужного результата? Отвергнуть? Согласно жесткой нормативной методологии Поппера, так мы и должны поступить. Но, возможно, мы не учли прочих равных условий или не измерили должным образом трудовые усилия. Кроме того, однозначного способа выявить изъяны в теории, чтобы заменить ее какой-то другой, нет.

Получается, что то, что в данной ситуации предложили бы сделать экономисты (исправить теорию или точнее измерить трудовые усилия), окажется на самом деле одной из тех самых «иммунизирующих стратегий», с которыми так боролся Поппер.

В замечательной статье (Amable, Boyer, Lordon, 1997) показано, что само понимание *ad hoc*⁵ у Поппера настолько неоперационально теории, что экономисты чаще всего прибегают к другому определению: за *ad hoc* принимается то, что недостаточно последовательно выведено из аксиом и/или сформулировано специально для достижения того или иного результата. Эти подгонки задним числом в экономической теории хоть и осуждаются, но используются повсеместно, – как у Дж.С. Милля, так и у Г. Беккера (Блауг, 2004, с. 127, 339). Более того, интересно, что именно введению дополнительных гипотез *ad hoc* мы обязаны развитием современной экономической науки в самых разных ее проявлениях (от теории неравновесия и жесткостей до теории асимметричной информации и вытеснения теории общего равновесия теоретико-игровыми подходами). Амабль и его соавторы показывают это на примере теорий экономического роста, развитие которых они описывают как последовательное введение различных специальных предпосылок (т.е. расширение и, в конечном счете, отказ от аксиоматики теории общего равновесия): агрегированной производственной функции (Р. Солоу), позитивных экстерналий от преумножения знания, определенной функциональной формы в модели роста околности производства (П. Ромер) и т.д. Их вывод показателен: экономисты должны отказаться от чуждых им теорий, чересчур строгих нормативных критериев научности, которые *заимствованы из мето-*

⁴ К тому же в строгой форме фальсификационизм в экономической науке никогда не практиковался, а сам Поппер в случае экономической науки склонялся к другим методологическим взглядам (Caldwell, 1991). «Фальсификация экономической теории эмпирическими, статистическими данными экономистам практически незнакома» (Weintraub, 1999, p. 142).

⁵ Гипотеза называется гипотезой *ad hoc*, если ее использование не повышает степени опровержимости теории.

логии *естественных наук* и, будучи применены в экономической теории, могут замедлить ее развитие.

В 1990-е годы наметилась отчетливая тенденция отхода от нормативности в пользу дескриптивной методологии. В философии науки апологетом дескриптивизма выступил Т. Кун (Кун, 1975). В экономической методологии рубежной можно считать книгу американского экономиста и методолога Д. Хэндза с характерным названием «Рефлексия без правил» (Hands, 2001). В ней показано, что единого научного метода нет не только в экономической теории, но и в других науках, а значит, формулировать какие-то общие правила – пустая трата времени.

Проблема демаркации, с давних пор занимавшая философию науки, тоже потеряла актуальность – весьма сложно задать точные критерии того, что должно считаться экономической наукой, или сформулировать четкие правила, по которым следует действовать ученому, – последний находится в слишком сложной ситуации, и давать ему однозначные рекомендации на все времена – значит рисковать совершить ошибку (например, в соответствии с неким критерием отвергнуть теорию, которая впоследствии может оказаться удачной и плодотворной). Методология научно-исследовательских программ И. Лакатоша, хотя и является более утонченной и приближенной к дескриптивизму и истории науки конструкцией по сравнению с моделью Поппера, тем не менее также утрачивает популярность. В частности, непонятно, как общезначимым образом выделять те или иные научно-исследовательские программы, насколько описываемый Лакатошем путь эволюции научно-исследовательских программ соответствует реальному поведению ученых, принимающих решение работать или не работать в определенных концептуальных рамках. Программа Лакатоша оказывается чересчур общей, хотя она удачно описывает, например, теорию общего равновесия как «твердое ядро» неоклассической экономики, однако для более конкретных исследований зачастую интереснее оказывается другая философия науки.

2.6. Методология как критика

В целом методологические вопросы – об объективности экономического знания, о предмете экономической науки, о формах взаимодействия теории и реальности – ставят не только методологи в узком смысле (как группа исследователей, работающих на пересечении экономической теории, истории экономической мысли и философии науки), но и гетеродоксальные экономисты, критикующие мейнстрим. Сама критическая дистанция позволяет взглянуть на науку со стороны, а потому любой критик экономической науки в целом (в особенности, если его критика не сводится к журналистской полемике) обсуждает именно методологические проблемы.

После работ Т. Лоусона (Lawson, 1997, 2003) среди методологов получила известность дискуссия о реализме. Согласно Лоусону экономисты мало задумываются об онтологических основаниях своей науки, т.е. о том, как устроена социальная реальность, которую они изучают. В частности, Лоусон упрекает экономистов мейнстрима в приверженности моделированию *замкнутых систем* (редко встречающихся в социальной реальности) и событийных регулярностей типа «если x , то y ». Экономисты, согласно Лоусону, всякий раз исходят из того, что реальность «замкнута», а всякое новое воздействие пытаются эндогенизировать, чтобы сделать и его частью этой замкнутой реальности (кроме того, стабильность характеристик агентов и других объектов в экономических моделях тоже описывается Лоусоном как черта закрытой системы). Работы Лоусона – один из эпизодов многолетней *критики формализма* в экономическом моделировании. Методологический смысл этой критики в том, что споры ведутся вокруг облика экономической науки в целом, вокруг того, как именно должна выстраиваться научная экономическая теория и какой должна быть «правильная» формализация, если она вообще нужна. При этом равновесный анализ, как и программа построения экономической теории по образцу естественной науки, в рамках такой критики обычно ставятся под сомнение. Лоусон фактически предлагает одно из объяснений того, почему методологические принципы естественных наук (опора на замкнутые экспериментальные системы и событийные регулярности) неудачны в качестве оснований экономической теории.

В центр анализа и своей философской критики Лоусон ставит понятие открытой системы, моделировать которую экономистам мешает их дедуктивистская методология, имитирующая замкнутые экспериментальные системы в естественных науках, где удастся выделить и сравнительно просто сформулировать четкие закономерности, где мир состоит только из событий и положений вещей. Вместо этого Лоусон предлагает исследовать «полурегулярности» (Lawson, 1997, p. 204) как реально наблюдаемые актуализации некоторого механизма или тенденции, в особенности если эти полурегулярности противоречат общепринятым представлениям. Проблема в том, что механизм может работать, а может и нет, поскольку тенденция может сложиться не в пользу данной регулярности. Иными словами, математически строгая, формальная основа экономической теории у Лоусона перестает быть источником достоверных истин. Экономическая наука должна обратиться к социальной онтологии и анализу скрытых за поверхностью явлений социальных структур и механизмов. Научный метод, предлагаемый Лоусоном, – это «абдукция» (или «ретродукция»), – термин, восходящий к Ч.С. Пирсу и означающий переход исследователя от некоторого фактического утверждения к закону (механизму), в результате действия которого то или иное событие произошло. Не очень понятно, как осуществлять в каждом конкретном случае эту процеду-

ру, но ясно, что Лоусон предлагает отойти от строгой науки и приблизиться к более описательным и содержательным теориям (которые, разумеется, в современной экономической науке существуют, но Лоусон их почти не принимает во внимание). К сожалению, несмотря на стремление всячески приблизить свой анализ к реальному функционированию науки, ему пока вряд ли удалось выйти за пределы полужурналистской критики отдельных ее направлений (сегодня уже во многом утративших популярность) и некоторой специфической философской интерпретации ее оснований, тоже вызывающей сомнения⁶.

Работы Мяки (Mäki, 2008), например, более взвешенны с философской точки зрения, он пытается соотнести современную экономическую науку, которую скрупулезно анализирует на материале работ ее разных представителей (в частности, австрийской школы и Коуза), с философским реализмом, а также показать, что научную практику экономистов нельзя свести к однозначной философской схеме («дедуктивизм»). Мяки показал, что следует четко разграничивать философский реализм (который Мяки пытается так или иначе адаптировать к мировоззрению экономистов) как более общую идейную конструкцию и «реалистичность» предпосылок; понять, каким образом экономисты изолируют те или иные типы явлений для изучения, иначе говоря, – разработать типологию абстрагирования. В целом основная интенция работ Мяки – реконструировать неявные философские позиции экономистов, а также философские предпосылки экономических теорий, причем в центре его внимания находится именно проблематика реализма, идея независимости от экономистов и самостоятельности их объекта исследования.

3. Методология: новые тенденции

3.1. Экономические модели

Сегодня экономическая методология – разнородное поле исследований, открытое для новых подходов, проникающих в нее из самых разных дисциплин. Мы рассмотрим несколько тематических областей, которые считаем наиболее значимыми.

В последнее время в экономической методологии много внимания уделяется *моделям* (Morrison, Morgan, 1999; Sugden, 2000; Boumans, 2005). Модели становятся в центр более предметного дескриптивного методологического анализа. Исследование конкретных моделей в качестве важных кейсов позволяет методологам понять, как работают современные экономисты, какие техники обоснования они используют. Модели мыслятся как связующее звено между миром разработанных, устоявшихся экономических теорий и конкретными фактами хозяйственной жизни. Само понятие теории тоже неоднозначно (Kincaid, Ross, 2009) – это не просто набор утверждений (в идеале – наиболее общий). Под теорией можно понимать и некую идею, задачу, ход мысли, лежащий в основе многих родственных моделей.

⁶ В частности, было показано, что Лоусон неправ, критикуя эконометрику за использование модели «охватывающего закона» Гемпеля (Hoover, 2002). Экономисты и эконометристы, скорее, стремятся отыскать и описать механизмы и структуры, которыми как раз и интересуется Лоусон, но при этом не всегда ищут «вечные» и абсолютно устойчивые закономерности.

Функции же моделей весьма разнообразны – это и решение теоретических проблем, и объяснение неких эмпирических феноменов, и формулировка тех или иных средств и инструментов экономической политики, и разработка формального инструмента для работы с определенным типом явлений (Boumans, 1999, p. 94). В методологической литературе показано, что модели чаще всего нельзя анализировать по аналогии с высказываниями о реальном мире, т.е. как некие тезисы, истинность/ложность которых можно установить. Обычно модель представляет собой способ рассуждения, предполагающий введение искусственных предпосылок для изоляции некоторого важного каузального механизма, в этом, порой, схожего с экспериментом.

Построение модели – сложный процесс, когда методом проб и ошибок, под влиянием многочисленных теоретических, эмпирических, политико-прагматических, риторических, социальных и прочих факторов ученый сводит воедино свои идеи, данные, математическую технику, чтобы получить некоторый нужный ему результат.

Как влияют все эти факторы на содержание экономической модели? Она должна находиться в рамках определенной теоретической традиции, соответствовать реальным данным и/или генерировать правдоподобные временные ряды, иметь конкретные практические следствия, содержать некую историю, помогающую, в частности, понять, как модель работает в конкретных случаях, наконец, модель должна приносить реальный или символический капитал своему создателю.

Список критериев можно продолжить, но эти соображения, к сожалению, не помогают до конца разрешить целый ряд сложных проблем. Каков статус формальных моделей в экономической науке? Каким именно образом они репрезентируют реальность? Что значит «реалистичность» модели? Чего именно добиваются экономисты, когда строят модели? Как используются теоретические модели на практике? Все эти и множество других вопросов стоят на повестке дня в современной экономической методологии. Например, Роберт Сагден (Sugden, 2000) предлагает рассматривать модели как «правдоподобные миры», существующие не «над» явлениями реального мира как некие идеальные конструкты, а *рядом* с ними – как один из элементов индуктивного ряда, использование которого позволяет повысить вероятность истинности определенного высказывания. Используя модель сегрегации Шеллинга, он показывает, что определенный причинно-следственный механизм можно анализировать индуктивно, убеждаясь в реальности его функционирования на материале как реальных примеров, так и модельных конструкций. Нэнси Картрайт (Cartwright, 2009) и Ускали Мяки (Mäki, 2009a) видят в моделях формы и способы изоляции неких базовых *реальных* каузальных факторов, «способностей» (capacities) мира. Ариэль Рубинштейн (2008) экстравагантно называет теоретические модели «баснями», совершенно фиктивными по содержанию, но важными как элемент морали и общей

культуры, влияющий на принятие решений. Так или иначе, осознание гибкости моделей в экономической теории, возможности строить модели разного уровня для решения разных задач или даже для решения одной и той же задачи во многом меняет традиционные представления о функциях фундаментальной экономической теории в практике и о ее структуре.

3.2. Эконометрика

По мнению некоторых авторов, в современной экономической науке наметился «эмпирический поворот» (Либман, 2007)⁷ и вместе с развитием и ростом популярности эконометрических исследований все более актуальной становится *методология эконометрики*. В знаменитой книге «Эконометрика: алхимия или наука?» (Hendry, 2001) Дэвид Хендри, самый известный эконометрист, занимающийся методологией, утверждает, что, с одной стороны, эконометрика может оказаться алхимией (потому что эконометристы с легкостью могут строить мнимые (spurious) регрессии), но это и наука, поскольку эконометристы умеют отвергать ложные, неверно специфицированные модели.

В работах Хендри, а также других авторов, помимо сугубо специальных эконометрических тем (например, насколько устойчивость тех или иных эконометрических результатов является показателем их истинности, какие техники наиболее адекватны и т.д.), затрагивается важнейший, центральный вопрос – насколько эконометрический анализ позволяет связать теоретические модели с эмпирическими данными, выполняя тем самым функцию посредника между теорией и реальностью. Насколько полезна эконометрика в установлении такой связи? Следует ли первоначально выдвигать полученную дедуктивно модель, а потом искать наилучшую спецификацию на основе данных, или лучше дать данным «говорить свободно» (Hoover et al., 2008)? В этом же контексте выступает важнейшая идея причинности: как можно мыслить причинность и как можно говорить о ней на основе эконометрических данных? Наконец, насколько правильны простые иерархические отношения между теорией и практикой как «приложением» теории? Зачастую эконометрические модели живут особой жизнью, и связь между теоретической и эконометрической моделями проследить нельзя.

Методология эконометрики, как правило, имеет прескриптивистский, нормативный характер. Порой такой анализ становится критическим по отношению к расхожим эконометрическим практикам (Ziliak, McCloskey, 2008) или обосновывает преимущества того или иного эконометрического подхода (Hoover, 2000). Актуальной для современных эконометристов остается проблема сопоставления результатов разных эмпирических исследований и их воспроизводимости (Либман, 2008).

⁷ Выводы Либмана неоднозначны, и к ним следует относиться с осторожностью. Приведем еще один аргумент в пользу этих выводов. Если, например, взять 20 самых цитируемых экономических статей по версии *Repec* (<http://ideas.repec.org/top/top.ritem.nbcsites.html>), то окажется, что «чистых», концептуальных моделей среди них будет всего 3–4, остальные работы посвящены макроэкономической политике, эконометрике, институциональной теории и теории отраслевых рынков.

3.3. Методологический анализ новых направлений в экономической теории

Важной и интересной темой методологического анализа становится анализ новых направлений экономической науки (или новые подходы, выросшие из прежних идей). Множество дискуссий посвящено *экспериментальной экономике* (Guala, 2005). Не до конца ясно, каков познавательный статус экспериментальных результатов, в какой степени можно использовать их в реальной экономике и для проверки теорий; наконец, станет ли сама экспериментальная экономика новой теоретической парадигмой или она будет лишь той вспомогательной частью экономического знания, которая связана с экспериментальной проверкой теоретических утверждений и сбором полезных для теоретиков кейсов, иными словами, – источником дополнительных аргументов в пользу того или иного, очевидно вытекающего из теории тезиса (рассуждения в духе: «Экспериментальные исследования также подтверждают Х»)? Классические философские проблемы (например, те, что связаны с тезисом Дюгема–Куайна) здесь накладываются на специфику материала и переплетаются со множеством социально-философских вопросов. Как ведут себя люди в реальной жизни и в экспериментальной ситуации? Каково соотношение разных типов моделей, и можем ли мы говорить о том, что теоретическая модель, тестируемая экспериментально, и модель, используемая экспериментатором на практике, всегда изоморфны? Как очевидные (этические, финансовые) ограничения, с которыми сталкиваются экспериментаторы, влияют на результаты их анализа? Да и вообще – сводимо ли понимание того, что и как делают люди, к выводам из экспериментальных исследований? Эти и многие другие глубокие вопросы до сих пор не получили однозначного разрешения, не говоря уже о стандартных претензиях к экспериментальной экономике о неадекватности платежей, о нерепрезентативности участников экспериментов или о роли контекстной специфики (Smith, 2008).

Еще одно новое направление, вызывающее неизменное внимание методологов, – так называемая *эволюционная экономика* (Hodgson, 1999; Witt, 2008; Vromen, 2004), а также весь тот спектр дисциплин, которые связывают экономическую науку и исследование сложных систем (в том числе в физике, см., например, (Blume, Durlauf, 2005)).

Хорошим примером методологического исследования новых направлений экономической науки служат несколько недавно появившихся работ. В одной из них (Grüne-Yanoff, 2009) речь идет об агентно-ориентированном моделировании – новом, набирающем обороты, подходе к анализу сложных экономических систем. Автор, разбирая конкретные примеры, уточняет, каков теоретический результат симуляционного моделирования, и показывает, что в отличие от симуляций, основанных на хорошо известных физических закономерностях (например, симуляция автокатастрофы, основан-

ная на законах физики), симуляции в социальных науках зачастую не основаны на таких закономерностях. Поведенческие правила, приписываемые каждому неоднородному агенту, «населяющему» модель, часто не имеют и не могут иметь надежных обоснований, и тот факт, что симуляционная модель порождает некое поведение системы, близкое ее реальному поведению, еще не означает, что удалось предъяснить причинное *объяснение* тех или иных феноменов, характерных для этой системы. Но какую роль такое моделирование играет в объяснении поведения системы? Оно демонстрирует возможные способы порождения того или иного феномена. Впрочем, как показывает автор, таких способов оказывается порой слишком много, чтобы претендовать на каузальное объяснение, а убедительных и эффективных критериев отбора причинных механизмов пока не предложено. Поэтому автор предлагает мыслить симуляции иначе – показывая, что они дают в основном не возможные каузальные объяснения (т.е. точный механизм возникновения того или иного феномена), а возможные «функциональные» объяснения – показывая, какую роль играет тот или иной фактор в динамике объясняемой системы, но не специфицируя дальше это влияние и не показывая конкретных причинно-следственных механизмов.

Методологи интересуются всеми этими направлениями потому, что в них, во-первых, можно угадать лицо новой экономической науки, а во-вторых, понять некоторые закономерности ее развития, показать, насколько продуктивны эти опыты по сравнению с ее традиционным видением экономической реальности (Colander, 2000).

3.4. Междисциплинарность

Невероятно масштабная и важная методологическая тема – междисциплинарные связи экономической науки, причем как само понятие междисциплинарности (Ананьин, 2009), так и содержание междисциплинарных взаимодействий. Помимо того что многие авторы связывают с этими взаимодействиями большие ожидания, изучение феномена экономического империализма непосредственно связано с обсуждением давней для методологии проблемы *предмета экономической науки* и (сегодня уже весьма условных) *границ* того, что называется экономическим, места экономической теории среди других социальных наук.

Оценка корректности и плодотворности заимствований, а также уместности аналогий помогает оценить перспективы будущих междисциплинарных связей, понять, как и почему эти связи возникают, а также, почему те или иные заимствования оказываются успешными, наконец, показать место современной экономической науки в культуре⁸. Разумеется, всегда найдутся и те, кто связывает с междисциплинарными исследованиями (на разной основе) будущее всех социальных наук, призванных принять некую *общую* теоретическую програм-

⁸ Именно последнюю задачу с успехом решают такие экстравагантные, на первый взгляд, соотнесения экономической теории, например, с герменевтикой (Lavoie, 1991; Prychitko, 1995), литературой (Woodmansee, Osteen, 1999; Ingao, 2009) или даже архитектурой (Lagueux, 2009).

му – будь то теория игр, анализ конвенций/правил/институтов или поведенческие когнитивно-психологические исследования (Camerer et al., 2005).

Экономическая наука, как нам представляется, последние несколько десятков лет развивается путем сложного наложения все более совершенного технического инструментария (теоретико-игрового, эконометрического, когнитивно-психологического или, например, модельно-имитационного) на содержательные идеи, идущие от запросов практики. Именно в результате этого наложения возникают новые теоретические подходы, и хотя значительная часть усилий тратится на совершенствование инструментария и стремление до блеска вычистить пушку, которая никогда не выстрелит, в редких случаях удается действительно сформулировать новые объяснительные схемы и выявить необычные каузальные механизмы. И здесь существенную роль играют источники вдохновения, возникающие вне экономической науки, в пространствах между разными дисциплинами⁹.

Мы полагаем, что главная задача междисциплинарных исследований методологов – открывать для экономистов те темы, к которым более открыты их коллеги из других общественных наук, в частности социологи и философы. Эта работа уже началась (Ioannides, Nielsen, 2007; Backhouse, Fontaine, 2010) и **должна быть продолжена, поскольку** фундаментальная социальная теория – важнейший источник новых идей об обществе, находящийся пока в тени реальных экономических исследований, авторы которых гораздо внимательнее к достижениям естественных наук, чем к новым социально-теоретическим концепциям.

3.5. Риторика и постмодернизм

Постмодернизм в экономической методологии часто ассоциируется с именем Д. Макклоски. Действительно, новаторская работа Макклоски (McCloskey, 1983) сделала эпоху в экономической методологии. Впервые экономист под воздействием современных ему тенденций в философии и литературоведении (прагматизм, риторический поворот и т.д.) попытался разработать совершенно иное представление о сути экономического знания и о методологическом подходе к нему. Отказ от всеобщих критериев «правильной» науки был связан с представлением о том, что главное для экономиста (как показывает исторический опыт) – убедить оппонента, выиграть риторический спор, а не отыскать незыблемую истину.

Вокруг проекта риторики экономической науки было сломано немало копий, но сегодня очевидно несколько моментов: работы Макклоски и ее последователей, сколь бы радикальными ни были их притязания, также способствовали *отходу от нормативности* в методологии, открыв дорогу новым методам и подходам к экономической науке и сделав ее исторический и методологический анализ более плюралистичным. Впрочем, для экономистов работы Макклоски (как и нашу-

⁹ Пока одним из наиболее успешных междисциплинарных проектов следует признать поведенческую экономику.

мевшая в свое время статья Фридмена), возможно, производили впечатление избыточности самого методологического анализа – как внешней, ненужной нормативной надстройки. Сами методологи, однако, поняли Макклоски правильно. Экономическая наука начала трактоваться как множество неоднородных и социально сконструированных дискурсов, создаваемых конкретными коллективами ученых и подлежащих интерпретации. По-новому в этом контексте должен пониматься и тезис Куна о несоизмеримости парадигм: речь должна идти о правилах *перевода с разных языков* (Болдырев, 2008), на которых говорят различные *интерпретативные сообщества*¹⁰.

Сегодня тот чрезвычайно мощный критический заряд, который несли в себе тексты Макклоски 1980-х годов, стал стимулом для большого числа дескриптивных исследований. Теперь таких работ стало гораздо больше, и они зачастую менее экстравагантны и радикальны, чем ранние статьи и книги Макклоски и ее последователей (см., например, (Boumans, 2005)).

4. Перспективы и предложения

Нам представляется, что сегодня в экономической методологии существуют два ключевых направления исследований, которые условно можно было бы назвать *логико-когнитивистским* и *социально-конструктивистским*.

Первое из них связано с тем, что в последнее время становится все более популярным так называемый *натурализм* в философии науки, в том числе и в философии экономической науки. Суть этой тенденции, восходящей к идеям У.В.О. Куайна, в том, что экономическую теорию следует изучать строгими методами, в частности и методами самой экономической теории (economics of economics), а также при помощи современных теорий научного познания. «Натуралистичность» здесь проявляется в том, что процесс познания анализируется исходя не только из логического анализа результата этого знания, но и из научного (когнитивно-психологического, поведенческого, экспериментального, даже психофизиологического) анализа процесса научного познания. В этот контекст прекрасно вписывается и тематика эволюционной эпистемологии, исследования отбора идей и убеждений в научном мире.

Натуралистический поворот позволяет говорить о том, что экономическая методология может стать не просто собранием правил и эвристик, неким «корпоративным кодексом» экономистов, а полноценной исследовательской программой, с вполне респектабельными и уважаемыми в естественных науках критериями достоверности. Такая программа становится тем более популярной, что сегодня все больший вес в научном сообществе приобретает идея синтеза экономической теории (особенно через экспериментальную и поведенческую экономику), психологии и науки о высшей нервной деятельности

¹⁰ Одно из первых блестящих исследований такого типа, принадлежащее перу замечательного ученого, см. (Флек, 1999).

сти. Такой синтез должен стать одной из разновидностей когнитивного подхода – т.е. исследования принятия решений, экономических взаимодействий и их результатов в контексте изучения человеческого сознания, рассматриваемого как сложная сеть, как процесс обработки информации, действующий по аналогии со сложными вычислительными системами.

Бурное развитие натурализма заставляет некоторых авторов даже говорить о том, что новая экономическая методология – любое исследование, так или иначе соединяющее экономическую теорию и («новую») теорию науки (Hands, 2001, p. 394). Экономическая теория в данном случае зачастую служит лишь поводом для обсуждения более общих проблем теории научного познания. Не получив должного внимания в среде экономистов, методологи нередко обращаются к другой аудитории – философам или социологам, интересующимся особенностями научного познания и науки как социального института (Zamora Bonilla, 2001)¹¹.

Весьма соблазнительно изучать новейшими экспериментальными методами саму экономическую теорию. Однако мы все же полагаем, что рано или поздно этот подход столкнется с проблемой сложных социальных взаимодействий, с невозможностью исчерпывающим образом анализировать системы, в которых всегда есть метауровень, в которые встроен наблюдатель второго порядка (если пользоваться терминологией Н. Лумана), которому всегда известны самые сложные модели и который всегда может ими воспользоваться, чтобы ускользнуть от всевидящего ока теоретика.

Эти и другие соображения привели к развитию другой «программы» в экономической методологии, которую мы считаем более перспективной. Одним из важнейших факторов отказа от нормативной методологии послужило возникновение *социального конструктивизма* в философии науки (Bloog, 1991; Barnes et al., 1996). Социальный конструктивизм – это попытка изучать экономическую науку как социальный институт и как форму общественной деятельности сквозь призму школ, направлений, стремления к институциональной обособленности, логики академической жизни и т.д. Представление о том, что научное знание формулируется научным сообществом и подвержено воздействию социально-политических и культурных факторов, оказало серьезное воздействие и на экономический анализ экономической науки (Eggertsson, 1995; Wible, 1998; Mäki, 1999; Mirowski, Sent, 2002), и на историю экономической мысли (Yonay, 1998; Weintraub, 2002), что вполне естественно ввиду эмпирического и исторического характера исследований в рамках социологии науки (Knoor Cetina, 1981).

Анализ форм существования экономической науки в обществе в связи с ее особым статусом социально-гуманитарной науки отличает социально-конструктивистский подход. Социальное принимается всерьез – как в смысле воздействия реальности на экономическую науку

¹¹ В свою очередь, философы – особенно в аналитической традиции – нередко обращаются к методам, принятым в экономической науке, в частности к теоретико-игровым конструкциям, и используют их как элемент собственного понятийного инструментария.

(темы симметрии и рефлексивности), так и в контексте обратного воздействия науки на реальность (проблематика перформативности).

Хороший пример описательного исследования содержится в работе (Sent, 1998). Анализируя возникновение и эволюцию теории рациональных ожиданий, Сент показывает, что эту историю можно правдоподобно рассказывать, исходя из самых разных логик развития науки – в ответ на новые данные, в развитие новой аналитической техники, как результат попыток связать теоретический и эконометрический анализ, как элемент теоретической преемственности или, напротив, способ решить проблемы, которые в предшествующих теориях не решались вовсе. Из этого следует, что ни одна из логик не является решающей: исходя из исторических данных, мы должны признать, что в анализе динамики научного знания необходим плюрализм подходов. Исследуя творчество одного из экономистов – Т. Сарджента – и используя понятия из «Science and technology studies» (STS), она показала, как исследователь взаимодействует с материалом и какими стратегиями он пользуется в этом взаимодействии.

В экономической науке после знаменитой «критики Лукаса» (Lucas, 1976) тема рефлексивности нашла интересное отражение именно в работах Сарджента, настаивавшего на симметрии (равных когнитивных способностях) экономистов и тех агентов, которых они моделируют. Последовательно провести этот принцип не удалось, но в различных версиях он стал элементом современной теории. В целом эта тематика – еще один шаг по направлению от плоско понимаемого позитивизма и от представлений о том, что экономическая наука изучает некий стерильный объект, никоим образом на нее не влияющий и свободный от ее воздействия.

Что касается перформативности, то она связана с идеей, согласно которой экономическая наука является социальным институтом, так или иначе влияющим на действительность (Frank et al., 1993; MacKenzie, 2006; MacKenzie et al., 2007), а экономисты-методологи должны применять методы экономической науки к ней самой (равно как и к собственной деятельности)¹² Поэтому мы совершенно не исключаем возможностей взаимного обогащения и сотрудничества двух программ. Экономическая наука, как и любая другая общественная наука, должна подвергать себя рефлексии и понимать, что предмет ее анализа – рефлексизирующие агенты и социальные структуры, которые часто нельзя рассматривать в изоляции от науки как наблюдающей инстанции – таковы основные тезисы сторонников рефлексивного подхода.

Конечно, здесь также возникает множество проблем. Должен ли тот, кто занимается рефлексией, проводить прескриптивный или дескриптивный анализ? Идет ли речь только о наблюдении практик экономистов? И если анализ должен быть дескриптивным, то како-

¹² Необходимо, конечно, различать «экономику экономики» (см., например, (Frey, 2003)), в рамках которой экономическая наука изучается экономическими методами, и социально-конструктивистский подход, для которого характерна совсем другая постановка проблемы: экономисты оказываются не просто рациональными акторами, но активными соиздателями социальной, в частности экономической, реальности. Социальные конструктивисты стараются преодолеть дистанцию между экономической наукой и ее предметом, тогда как экономисты, исследующие экономистов, не ставят под вопрос это различие. Другое дело, что с развитием самой экономической науки *economics of economics* может стать более сложной и богатой методами дисциплиной.

ва здесь роль методологов? И если наука воздействует на общество, то насколько она остается наукой и не превращается в идеологический инструмент? Сильный тезис о перформативности (Barnes, 1988), ведущий свое происхождение от «сильной» программы эдинбургской школы социального конструктивизма, предполагает буквальное конструирование экономической реальности в соответствии с закономерностями, выявляемыми в моделях. Однако столь радикальный тезис вызывает естественные возражения (Santos, Rodrigues, 2009), что, впрочем, не отменяет важности самой темы, которая, видимо, и далее будет привлекать внимание методологов и социологов, предлагающих, например, рассматривать то или иное понятие в экономической науке не просто как социальный конструкт, но как социальный институт (Klaes, 2000).

По-видимому, оба упомянутых направления будут активно развиваться, не в последнюю очередь потому, что в каждом из них возможны серьезные эмпирические исследования¹³. Представители этих традиций не стремятся показать, какая система научных понятий является «правильной», и предполагать, что научное сообщество экономистов автоматически, в силу этой философской «правильности» начнет использовать «правильные» представления.

Почему мы предпочитаем вторую «программу» первой? Дело здесь не только в том, что последствия воздействия экономической теории на социальную реальность должны серьезно изменить наше представление о теории¹⁴. Важно расширение поля анализа: в теориях и моделях мы должны видеть не только познавательную (как в логико-когнитивистской программе), но и социальную составляющую. Терять одну в ущерб другой, конечно, тоже неправильно – трудно написать по-настоящему хорошую работу по социологии науки, плохо представляя себе содержание этой науки. Но в логико-когнитивистском направлении именно эту социальную составляющую нередко игнорируют.

5. Заключение. Дилеммы экономической методологии

Центральной философской проблемой современной экономической методологии по-прежнему является дилемма «прескриптивистский фундаментализм – дескриптивистский релятивизм». Всегда можно спросить самого изощренного исследователя, который провел сколь угодно тонкий анализ экономической теории: «Ну и что? Что следует из такого анализа?» Следует все же признать, что в значительной степени экономическая методология была интересна именно тем, что давала нормативные ориентиры того, как следовало бы делать науку и что в современной науке не так, где она с высокой вероятностью расходится с реальностью, каким моделям следует доверять,

¹³ Поэтому мы совершенно не исключаем возможностей взаимного обогащения и сотрудничества двух программ, напротив, считаем это важной задачей будущей экономической методологии.

¹⁴ Трудно удержаться от мысли о том, что главные эмпирические достижения экономической теории проявляются лишь в тех областях, где механизмы и стимулы были *сознательно сконструированы, чтобы соответствовать положениям этой теории* (опционы, антимонопольное законодательство, аукционы). И хотя во всех этих случаях теория не была единственным источником социального проектирования (об аукционах см., например, поучительную работу (Alexandrova, Northcott, 2009)), это не отменяет важности рассмотрения теории как элемента социальной жизни, как части социального мира, идейно и физически воздействующей на него.

а каким – нет и почему, и что означает тот или иной теоретический результат в контексте реальных экономик. Тем более актуальна эта проблема потому, что некоторым ученым время от времени действительно становятся нужны нормативные предписания (например, как правильно проводить эксперименты, и в каких ситуациях пригодна та или иная техника).

Современная экономическая методология выработала гораздо более взвешенное и корректное отношение к экономической науке, чем раньше. Наука действительно стала предметом изучения, а не просто материалом для конкретизации философских схем.

Как правильно пишет Дж. Дэвис (Davis, 2003), сегодня в методологии нет общепризнанных концепций. Скорее, методологи предлагают более или менее удачные *интерпретации* тех или иных особенностей экономической науки, экспериментируя с различными идеями (прежде всего из философии науки и социальной философии). Четких критериев качества в экономической методологии (как и в философии) нет, однако, несомненно, наиболее обсуждаемые сегодня работы отличает глубокое знание экономического материала, удачное и убедительное объяснение тех или иных тенденций развития экономической науки, порой, – нетрадиционный взгляд на те или иные экономические концепции. Увы, такие исследования мало востребованы – и экономистами-теоретиками, перед которыми и так зачастую стоит проблема легитимации собственных абстрактных исследований, и представителями других дисциплин, которые мало внимания обращают на методологические работы, видимо, считая их непонятными и малозначительными, а об экономической теории судят по внешним впечатлениям или исходя из собственных предрассудков. Философам и социологам экономическая наука, порой, интересна, но вообще студенты других специальностей редко всерьез берутся ее изучать, резонно полагая, что если уж и тратить время на такое изучение, то лишь для того, чтобы этой наукой затем заниматься. Точно так же думают и талантливые выпускники экономических факультетов, если решают оставаться в науке. Таким образом, в методологии образуется *кадровый вакуум*, заполнить который может лишь какая-то более общая содержательная исследовательская программа. Но ее пока нет.

Деятельность методолога сопряжена с огромной *ответственностью*: он должен, интерпретируя то или иное направление экономического знания, *хорошо представлять себе проблематику*, т.е., по сути, чувствовать себя «в шкуре» экономиста, но вместе с тем не бояться обобщений, иметь философскую интуицию и пользоваться достижениями смежных гуманитарных дисциплин (как минимум, социальной теории и философии науки).

Результатом методологических исследований может стать не только удачная интерпретация, но и философское обобщение, интересный нормативный вывод. Понимание того, как реально устро-

на и функционирует современная экономическая наука во всей своей сложности, устранение информационных асимметрий, повышение теоретической культуры экономистов – вот те труднейшие задачи, которые экономическая методология сегодня стремится решать и которые, безусловно, могут решаться более полно за счет большего разнообразия методов, укрепления связей между экономистами и представителями других наук, дальнейшего концептуального экспериментирования, подкрепленного конкретными материалами case-studies. Связь с экономической теорией будет тем прочнее, чем более плюралистичной будет становиться эта теория и чем меньше в методологии будет неконструктивной критики.

Поскольку проблемное поле у методологии явно имеется, а потребность в оценке этого поля есть, наше видение будущего этой дисциплины остается в целом оптимистическим. Основным препятствием для диалога является усложнение самих предметных областей, теоретического языка и понятийного инструментария как в экономической науке, так и в самой методологии. Насколько масштабной окажется проблема понимания, будет зависеть не только от внутринаучных, но и от институциональных факторов, сколько от наличия и характера специализированных учебных программ, готовящих профессиональных экономистов-методологов.

Литература

- Автономов В.** (2004). За что экономисты не любят методологов. В кн.: Блауг М. *«Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют»*. М.: НП «Редакция журнала “Вопросы экономики”».
- Ананьин О.И.** (2005). Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука.
- Ананьин О.И.** (2009). Междисциплинарность и развитие экономического знания. В кн.: Ананьин О.И. (ред.) *«Философские проблемы экономической науки»*. М.: ИЭ РАН. С. 189–208.
- Болдырев И.А.** (2008). Языковые игры и экономическая теория мейнстрима (несколько иллюстраций): М.: ИЭ РАН.
- Блауг М.** (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Редакция журнала “Вопросы экономики”» (**Blaug M.** (1992). *The Methodology of Economics or How Economists Explain*. Cambridge: Cambridge University Press).
- Кун Т.** (1975). Структура научных революций. М.: Прогресс.
- Либман А.М.** (2007). Современная экономическая теория: основные тенденции // *Вопросы экономики*. № 3. С. 36–54.
- Либман А.М.** (2008). Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // *Вопросы экономики*. № 6. С. 4–19.
- Рубинштейн А.** (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // *Вопросы экономики*. № 11. С. 62–80 (**Rubinstein A.** (2006): *Dilemmas of an Economic Theorist* // *Econometrica*. 2006. Vol. 74. № 4. P. 865–883).

- Флек Л.** (1999). Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги (Fleck L. (1935). Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Frankfurt/M.).
- Alexandrova A., Northcott R.** (2009). Progress in Economics: Lessons from the Spectrum Auctions. In: Kincaid H., Ross D. (eds.) «*Oxford Handbook of Philosophy of Economics*». Oxford: Oxford University Press.
- Amable B., Boyer R., Lordon F.** (1997). The *ad hoc* in Economics: the Pot Calling the Kettle Black. In: D'Autume A., Cartelier J. (eds.) «*Is Economics Becoming a Hard Science?*». Cheltenham: Edward Elgar.
- Backhouse R., Fontaine Ph.** (eds.) (2010). The Unsocial Social Science? Economics and the Neighboring Disciplines since 1945. Ann. Suppl. to Vol. 42, History of Political Economy. Durham, NC and London: Duke University Press.
- Barnes B.** (1988). The Nature of Power. Cambridge: Polity.
- Barnes B., Bloor D., Henry J.** (1996). Scientific Knowledge: A Sociological Analysis, Chicago: University of Chicago Press.
- Bloor D.** (1991). Knowledge and Social Imagery, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press.
- Blume L.E., Durlauf S.N.** (eds.) (2005). Economy as an Evolving Complex System 3. Current Perspectives and Future Directions. Oxford, N.Y.: Oxford University press.
- Boumans M.J.** (1999). Built-in Justification. In: Morrison M., Morgan M. S. (eds.) «*Models as Mediators – Perspectives on Natural and Social Science*». Cambridge: Cambridge University Press. P. 66–96.
- Boumans M.J.** (2005). How Economists Model the World into Numbers. London, N.Y.: Routledge.
- Caldwell B.** (1991). Clarifying Popper // *Journal of Economic Literature*. Vol. 29(1). P. 1–33.
- Camerer C., Loewenstein G., Prelec D.** (2005). Neuroeconomics: How Neuroeconomics can Inform Economics // *Journal of Econ. Literature*. Vol. 43. P. 9–64.
- Cartwright N.** (2009). If No Capacities Then no Credible Worlds. But Can Models Reveal Capacities? // *Erkenntnis*. Vol. 70(1). P. 45–58.
- Colander D.** (2000). The Death of Neoclassical Economics // *Journal of the History of Econ. Thought*. Vol. 22(2). P. 127–143.
- Davis J.B.** (2003). Economic Methodology Since Kuhn. In: Samuels W.J., Biddle J.E., Davis J.B. (eds.) «*A Companion to the History of Economic Thought*». Oxford: Blackwell.
- Davis J.B.** (2007). The Turn in Economics and the Turn in Economic Methodology // *Journal of Econ. Methodology*. Vol. 14(3). P. 275–290.
- Dow S.C.** (2002). Economic Methodology: an Inquiry. Oxford: Oxford University Press.
- Eggertsson T.** (1995). On the Economics of Economics // *Kyklos*. Vol. 48(2). P. 201–210.
- Frank R., Gilovich T., Regan D.** (1993). Does Studying Economics Inhibit Cooperation? // *Journal of Econ. Perspectives*. Vol. 7(2). P. 159–172.

- Frey B.** (2003). Publishing as prostitution? – Choosing between One's Own Ideas and Academic Success // *Public Choice*. Vol. 116. P. 205–223.
- Grüne-Yanoff T.** (2009). The Explanatory Potential of Artificial Societies // *Synthese*. Vol. 169 (3). P. 539–555.
- Guala F.** (2005). *The Methodology of Experimental Economics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.
- Hahn F.** (1992). Reflections // *Royal Economics Society Newsletter*. 5 April.
- Hands D.W.** (2001). *Reflection without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hands D.W.** (2009). Did Milton Friedman's Positive Methodology License the Formalist Revolution? In: U. Mäki (ed.) «*The Methodology of Positive Economics: Reflections on the Milton Friedman Legacy*». Cambridge: Cambridge University Press. P. 143–164.
- Hargreaves Heap S.P.** (2000). Methodology now! // *Journal of Econ. Methodology*. Vol. 7(1). P. 95–108.
- Hendry D.F.** (2001). *Econometrics: Alchemy or Science?* Oxford: Oxford University Press.
- Hodgson G.M.** (1999). *Evolution and Institutions: On Evolutionary Economics and the Evolution of Economics*. Cheltenham Edward Elgar.
- Hoover K.D.** (2000). Three Attitudes Towards Data Mining // *Journal of Econ. Methodology* Vol. 7(2). P. 195–210.
- Hoover K.D.** (2002). Econometrics and Reality. In: Mäki U. (ed.) «*Fact and Fiction in Economics: Models, Realism and Social Construction*». Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoover K.D., Johansen S., Juselius K.** (2008). Allowing the Data to Speak Freely: The Macroeconometrics of the Cointegrated Vector Autoregression // *American Econ. Rev.: Papers & Proceedings*. Vol. 98(2). P. 251–255.
- Ingrao B.** (2009). Economics and literature. In: Arena R., Dow S., Klaes M. (eds.) «*Open economics. Economics in relation to other disciplines*». N.Y., L.: Routledge.
- Ioannides S., Nielsen K.** (2007). Economics and the social sciences: synergies and trade-offs. In: Ioannides S., Nielsen K. (eds.) «*Boundaries, Interaction and Integration*». Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Kincaid H., Ross D.** (2009). Introduction: The New Philosophy of Economics. In: Kincaid H., Ross D. (eds.) «*Oxford Handbook of Philosophy of Economics*». Oxford: Oxford University Press.
- Klaes M.** (2000). The History of the Concept of Transaction Costs: Neglected Aspects // *Journal of the History of Econ. Thought*. Vol. 22. P. 191–216.
- Knorr Cetina K.D.** (1981). *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. N.Y.: Pergamon.
- Lagueux M.** (2009). Economics and Architecture. In: Arena R., Dow S., Klaes M. (eds.) «*Open economics. Economics in relation to other disciplines*». N.Y.; London: Routledge.
- Lavoie D.** (ed.) (1991). *Economics and Hermeneutics*. London: Routledge.
- Lawson T.** (1997). *Economics and reality*. London: Routledge.
- Lawson T.** (2003). *Reorienting economics*. London: Routledge.

- Lucas R.** (1976). Econometric Policy Evaluation: A Critique. In: Brunner K., Meltzer A. (eds.) «The Phillips Curve and Labor Markets, *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*». Vol. 1. P. 19–46.
- MacKenzie D.** (2006). *An Engine, not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge (MA). MIT Press.
- MacKenzie D., Muniesa F., Siu L.** (eds.) (2007). *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
- Mäki U.** (1999). Science as a free market: A reflexivity test in an economics of economics // *Perspectives on Science*. Vol. 7. P. 486–509.
- Mäki U.** (2008). Realism and Ontology. In: Durlauf S.N., Blume L.E. (eds.) «*The New Palgrave Dictionary of Economics*». Palgrave Macmillan.
- Mäki U.** (2009a). MISSING the World. Models as Isolations and Credible Surrogate Systems // *Erkenntnis*. Vol. 70(1). P. 29–43.
- Mäki U.** (ed.) (2009b). *The Methodology of Positive Economics. Reflections on the Milton Friedman legacy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mayer T.** (2001). Improving communication in economics: a task for methodologists // *Journal of Econ. Methodology*. Vol. 8(1). P. 77–84.
- McCloskey D.** (1983). The Rhetoric of Economics // *Journal of Econ. Literature*. Vol. 21(2). P. 482–517.
- Mirowski Ph., Sent E.-M.** (eds.) (2002). *Science Bought and Sold*. Chicago: University of Chicago Press.
- Morrison M., Morgan M.S.** (eds.) (1999). *Models as Mediators – Perspectives on Natural and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Prychitko D.** (ed.) (1995). *Individuals, Institutions, Interpretations: Hermeneutics Applied to Economics*. Aldershot: Avebury.
- Santos A., Rodrigues J.** (2009). Economics as Social Engineering? Questioning the Performativity Thesis // *Cambridge Journal of Econ.* Vol. 33 (5). P. 985–1000.
- Sent E.-M.** (1998). The Evolving Rationality of Rational Expectations: An Assessment of Thomas Sargent's Achievements. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith V.L.** (2008). Experimental economics. In: Durlauf S.N., Blume L.E. (eds.) «*The New Palgrave Dictionary of Economics*». Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan.
- Sugden R.** (2000). Credible Worlds: the Status of Theoretical Models in Economics // *Journal of Econ. Methodology*. Vol. 7(1). P. 1–31.
- Vromen J.** (2004). Taking Evolution Seriously – What Difference does it Make for Economics? In: Davis J. B., Marciano A., Runde J. (eds.) «*The Elgar Companion to Economics and Philosophy*». Cheltenham: Edward Elgar.
- Weintraub E.R.** (1999). *How Should We Write the History of Twentieth Century Economics?* // *Oxford Rev. of Econ. Policy*. Vol. 15(4). P. 139–152.
- Weintraub E.R.** (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, NC: Duke University Press.
- Wible J.R.** (1998). *The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered*. London: Routledge.
- Witt U.** (2008). What is Specific about Evolutionary Economics? // *Journal of Evolutionary Econ.* Vol. 18(5). P. 547–575.
- Woodmansee M., Osteen M.** (1999). *The New Economic Criticism*. Studies at the

Intersection of Literature and Economics. London: Routledge.

Yonay Y.P. (1998). *The Struggle Over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America Between the Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Zamora Bonilla J.P. (2001). Where is economic methodology going? // *Journal of Econ. Methodology*. Vol. 8(1). P. 135–138.

Ziliak T., McCloskey D. (2008). *The Cult of Statistical Significance: How the Standard Error Costs Us Jobs, Justice and Lives*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Поступила в редакцию 29 августа 2010 г.

I.A. Boldyrev

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Economic Methodology Today: a Review of Major Contributions

This review article considers the state of the art in the modern economic methodology. The structure of this branch of knowledge is briefly described, as well as its institutional organization. We also carry out a substantial classification of various problems and fields of research. We propose to distinguish two basic perspectives which will determine the situation in the field in future: logical-cognitivist and social-constructivist. It is shown, why we consider the latter perspective to be more interesting and promising one. We also examine in detail advantages and shortcomings of normative methodology which is supposed to set standards for a scientific research in economic theory.

Keywords: **normative and positive economic methodology, philosophy of economics, models, rationality, interdisciplinarity.**

JEL Classification: A11, A12, A14, B4.